

Тышковска-Каспшак Э.,

кандидат филологических наук

Вроцлавский университет, Польша

ОБРАЗ ПЕТЕРБУРГА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Образ Петербурга не оставляет равнодушным почти ни одного из русских писателей. Как утверждал Владимир Топоров, эта тема «далекая от того, чтобы быть исчерпанной или окончательно решенной, она характеризуется особой антитетической напряженностью и взрывчатостью, некоей максималистской установкой как на разгадку самых важных вопросов русской истории, культуры, национального самосознания, так и на захват, вовлечение в свой круг тех, кто ищет ответ на эти вопросы» [7, 49]. В течение более чем трехсотлетней истории существования северной столицы России, не прекращались споры о сущности этого города. Почти с момента создания города писатели и мыслители замечали неоднородность и даже антиномичность Петербурга, которую представляли в двухполюсном образе города.

Этот полный противоречий образ Петербурга, а также базирующийся на нем миф, представленный в литературе, определяется в российском литературоведении как «Петербургский текст». Индивидуальные оценки, которые даются образу Петербурга, закрепляют образы его элементов, появляющихся подсознательно, интуитивно. *«Именно в силу этого «субъективность» целого парадоксальным образом обеспечивает ту «объективность» частного, при которой автор или вообще не задумывается, «совпадает» ли он с кем-нибудь еще в своем описании Петербурга, или же вполне сознательно пользуется языком описания, уже сложившимся в Петербургском тексте, целыми блоками его, не считая это плагиатом, но всего лишь использованием элементов парадигмы неких общих мест, клише, штампов, формул, которые не могут быть заподозрены в акте плагиатирования»* [7, 52].

В литературе конца XX – начала XXI в. в образе Петербурга на первый план выходит его мистический, загадочный характер. Это город-призрак, город, который ведет свою ночную жизнь, город, который находится на грани пропасти, который противопоставлен России, и особенно Москве. Те или иные черты Петербургского текста представлены в многочисленных произведениях современной русской литературы, например, в рассказах Виктора Пелевина «Хрустальный мир» и Татьяны Тостой «Река Оккервиль», сборнике Михаила Веллера «Легенды Невского проспекта», романах Михаила Кураева «Зеркало Монтачки» и «Ночной дозор», рассказе Валерии Нарбиковой «Равновесие света дневных и ночных звезд» и др. [10, 216-223].

Петербург является также героем произведений Олега Постнова «Судьба Петербурга», «Ночные повести Валерьяна Сомова» и «Петербург РМ». Сам

писатель не связан ни с одной из российских столиц, он живет в Новосибирске. На Петербург смотрит со стороны, как приезжий провинциал. Таким же гостем в северной столице является повествователь его произведений – филолог, который приезжает в Петербург по служебным делам и становится там свидетелем странных событий.

Свое восприятие этого города О. Постнов представил *explicitе* в эссе «Судьба Петербурга». Северная столица изображается в нем как фантазмагорическое воплощение идеи Петра I, город, вопреки всякой логике построенный на болоте, и который уже с самого начала своего существования противопоставляется не только Москве, но и всей России. Каменный молох не создавал ничего кроме указов и собственно с этой целью был поставлен – управлял. Однако этот город, возникший из бездны, был рассчитан на свой XVIII в. и вскоре стал тесен, а для развития не хватало пространства. Именно в этом недостатке перспектив Постнов усматривает одну из причин пролетарских революций – начало конца столицы. Остатки сил забрали у города войны. Остались в нем только *«тени и памятники»*, как писал Блок. Таким видит город писатель на рубеже XXI в.: *«Его часы стоят, показывая полночь. Его разводные мосты – уловка бизнесменов, тех, что строят – одно за другим – казино. Тот, кто попал за игорный стол вечером, обречен ждать утра, дабы переправиться на другую сторону. А утром таксист-лихач дерет втридорога – все за то же: чтоб пассажир протиснулся в Петербург. Что можно здесь создать? Что можно, создав, увезти? Кажется, одни лишь мечты. И город богат мечтами»* [5].

Интересно то, что под таким же названием «Судьба Петербурга» в 1918 г. опубликовал свои рассуждения известный российский политический деятель и публицист Николай Устрялов. Он также указывал на амбивалентную природу этого города, своеобразную, трудную для определения атмосферу, а также несколько лишенный реальности характер: *«Есть в нем какой-то особый, сверхэмпирический лик, яркий при всей его эмпирической туманности, одухотворенный при всей его эмпирической бездушности. Обманчива, неуловима как-то, многозначна его внешность, его оболочка. Вероятно, именно потому издавна считался он в России городом призрачным, «миражем», «маревом», где все зыбко и непрочное, не подлинно – и люди, и здания, и мысли, и дела»* [8, 396].

Устрялов одновременно убеждает, что Петербург – это поистине русский город, свидетельствующий о величии мысли и возможностях русского народа. В 1918 году, в этом переломном историческом моменте он усматривает возможность возрождения России лишь в установлении связи с петербургским периодом ее истории: *«И если суждено опять возродиться России, она прежде всего должна принять правду петербургского периода своей истории, принять его „идею“, его „душу“»* [8, 400].

Постнов принимает многое из взглядов Устрялова по вопросам истории Петербурга, однако, глядя на прежнюю столицу более 80 лет спустя, рассматривает его как город-памятник, город-музей, в котором ни один ремонт не искоренит неуловимого, фантастического духа, каким живут петербуржцы.

Писатель обращается к теории Освальда Шпенглера, противопоставляющего культуру цивилизации, и приходит к выводу, что Петербург является воплощением этой теории: *«И Петербург – уже не на словах – сделал то же. Цивилизация, XXI век не могут уместиться в нем, не могут протиснуться... Потому и часы его стоят. И как знать, быть может, его судьба совсем особая. Быть может, он, Петербург – попросту духовная столица России»* [5].

Собственно такое видение Петербурга – города, застывшего в памятнике, в литературном мотиве, в риторической фигуре, представляет Постнов и в своих рассказах. Рассказчик «Ночных повестей Валерьяна Сомова» замечает, что в прежней столице нельзя определить время, так как все мнимое: *«Я поискал глазами ходики, тикавшие где-то на стенке, и вдруг увидел с неприятным чувством, что циферблат у них был черный»* [3, 85]. Часы с черным циферблатом, как объясняет сам автор в примечании, всегда лгут, и герой остается с чувством растворения во времени. В рассказе «Петербург РМ» писатель утверждает, что время здесь остановилось, или даже вообще не существует: *«Стрелки сошлись и замерли на цифре 12, хотя до полудня было еще далеко.» «Не мог же я в пятый раз смотреть на часы со слившимися сверху стрелками! Я видел уже слишком много - и слишком отчетливо при солнечном свете. XVIII-й век и XX-й, XIX-й и XXI-й - все они слились воедино, все были тут. Только времени больше не было, как в страшном пророчестве Иоанна»* [4].

По мнению писателя, город остановился в своем развитии в начале XIX века, и в связи с этим наиболее уместными ему кажутся ссылки на представление Петербурга в литературе XIX в., а также романтические стилизации а'ля Одоевский, Жуковский, Бестужев-Марлинский и ранний Гоголь. В произведениях Постнова элементы петербургского текста усиливаются постмодернистским обыгрыванием заимствованных текстов. В «Ночных повестях Валерьяна Сомова» от имени своего «старого хорошего друга» автор рассказывает о жизни провинциального филолога, который по иронии судьбы становится свидетелем загадочных событий. Все начинается по пути в Петербург – встречи и разговоры в поезде предвещают необычайные события в северной столице. Весь цикл является искусной стилизацией с элементами фантазмагии, мистического реализма и готики. Скрывая себя за автором повествования под чужой фамилией – своего рода новым Белкиным – писатель создает синтетическое, характеризующееся свободной неконцентрированной композицией произведение. Основой каждой минифабулы в нем является мистика постсоветской жизни Петербурга, нереальность, обманчивость этого города, которая ловит в свои сети среднего, простого человека в обычных, прозаических местах. В каждом рассказе автор использует стилизацию под язык литературы XIX в. при описании современных реалий. Однако стилистическая архаизация и названия отдельных новелл не заканчивают ряда ссылок на классическую литературу. Постнов обращается к общеизвестным мотивам, фабулам и обыгрывает их, придавая им новые значения.

Поскольку, по мнению писателя, историческое развитие прежней столицы остановилось, совершенно невозможными являются новые события. В связи с этим, фабула отдельных фрагментов – это лишь осовремененные повторения уже известных событий, как например, карточная игра с трагическим финалом, прогулки главного героя по улицам города или убийство стариков. Используя известные сюжеты произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого, писатель не только переносит их во времени, но и играет подстановкой героев, вводит новые элементы, изменяет финал. Все эти приемы не только обращают наше внимание на первоисточники, но также создают новое качество, передающее характер самого города. Петербург предстает как фантастическое пространство, в котором может произойти все: здесь герой встречает Сталина и Петра I, а в гостиничном номере Левин Тостого проигрывает в карты свою собственную дочь. Смесь мотивов, переиначивание сюжетов не изменяет представления города как пространства, враждебного человеку [9, 154-157]. Толстой – решительный противник города, сторонник идей Руссо, в образе идеального героя Левина воплотил свои идеи на необходимость обращения человека к природе. Постнов, помещая его в городские условия, обрекает на моральное падение, согласно взглядам Руссо, поскольку цивилизация портит человека, прививает ему любовь к уничтожению и денатурализации души и тела. Следует, однако, отметить, что этот образ носит в произведении современного писателя отчетливо иронический характер.

В своем представлении северной столицы Постнов явно ссылается также на характерное для поэзии Серебряного века изображение Петербурга как города на краю пропасти, бездны (Андрей Белый писал: *«За Петербургом - ничего нет»*). Здесь город-мечта преобразуется в город-мираж, нереальное пространство, объединяющее крайности. Этот туманный, холодный город непредсказуем, изменчив и обманчив. Происходят в нем странные истории, при этом нельзя отличить реальность от видения. В одной из первых повестей цикла Постнов рисует подходящую для Петербурга атмосферу таинственности: *«Ночь обступила меня. На той стороне, у дворца, горели огни, а тут было темно и тихо. Лишь Нева плескала в гранит. Я сам чувствовал то, о чем говорила Грета: страх и гнев. Но это тотчас прошло на воздухе. Я перешел трамвайный рубеж и прислонился к перилам. Мысли мои спутались, приняв новый облик. Тяжкая луна ползла вниз. Нева расстилалась передо мной, и город казался затопленным до краев невиданным наводнением. Одни штили торчали наружу. Вдруг захотелось мне, чтобы так все и было. Я удивился себе. Откуда это? Откуда эта тяга бездны, и терпкая сладость кладбища, большого могильника, и странное торжество в недрах ужаснейших катастроф? Что роднит нас с ними? Сердце мое сильно билось. Мне казалось, еще миг, и я пойму. У подножья веселого дома перед черной Невой все складывалось в странный узор. Скоро стало мне казаться, что я иду по дну океана, что затонувший город этот совсем не тот, но что он тоже знаком мне, и я могу дышать и бродить между зданий...»* [3, 75].

Использование такого мотива отсылает читателя к «Медному всаднику», в котором город становится для героя источником несчастий, лишен милосердия, направлен на зло. В этой картине Постнова существенным является стирание границ между реальностью и миражом, что передает мысль о противоречиях, являющихся сутью Петербурга. Это продолжение мотива города-обмана, о котором писал Гоголь в «Невском проспекте»: *«Но страннее всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте. О, не верьте этому Невскому проспекту! Я всегда закутываюсь покрепче плащом своим, когда иду по нем, и стараюсь вовсе не глядеть на встречающиеся предметы. Весь обман, весь мечта, весь не то, чем кажется!»* [1, 236]

Образ кладбища, заключенный в этом фрагменте, вызывает в памяти стихотворение Пушкина «Когда задумчив я брожу...», в котором, сопоставляя образы городского и деревенского кладбищ, поэт осуждает обычаи и атмосферу столицы.

Другие произведения Пушкина, а также Василия Жуковского, Тараса Шевченко, Эдгара Аллана По находят отражение в стихах Постнова, включенных в «Ночные повести...». На значительную долю иронии в трактовках литературных образов Петербурга указывает стихотворный фрагмент «Ecciesia»:

*«Кокушкин мост!.. Воспеть решаюсь –
Я прелесть ножек, спин, задов,
Что тут ходили, терлись, жались,
Но не оставили следов.»* [3, 75]

Этот легкий по восприятию текст – своего рода ответ на шуточные стихотворения Пушкина «На картинке к „Евгению Онегину“ в „Невском Альманахе“», которые описывает иллюстрацию к его поэме:

*«Вот перешед чрез мост Кокушкин,
Опершись <жопой> о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С мосье Онегиным стоит.
Не достаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом:
Не плюй в колодец, милый мой.»* [6, 147]

Постнов цитирует также другие произведения Пушкина – поэмы «Полтава», «Евгений Онегин» и стихотворения, в которых мы находим его двойственное отношение к северной столице России. В очередном стихотворном фрагменте «На мотив из Жуковского» Постнов ссылается на ряд произведений классика русского романтизма, а также создает некие аллюзии на поэму По «Ворон».

Искусство романтизма характеризовалось диссонансом между идеалом и реальностью. Противоречие между духовной свободой человека, его мечтами и реальной жизнью породило в искусстве образ раздвоения мира. Отсюда в романтическом описании мира появляются антиномические образы: добро и зло, свет и темнота, жизнь и смерть. Между ними нет и не может быть

гармонии. Поэзия По, на которого ссылается Постнов, погружена в идеальную сферу, мечтание, сон, видение. Автор «Ночных повестей», создавая типично романтическое таинственное настроение, настроение угрозы, ассоциирует в стихотворении американского поэта сумасшествие с идеей Петербурга:

*«Я сказал: „Мне известно, он умер давно.
Он был найден в беспмятстве, кажется. Но
Это было не здесь. И я помню, что он
Преждевременно был где-то там погребен”.*

*„Впрочем, - тотчас осекся со страхом я вдруг, -
Он всегда говорил, будто он в Петербург
Наезжал, - а однако ж он тут не бывал...”» [3, 90].*

Сама поэма «Ворон» построена на грани шутки и трагедии, реальности и символики, сознания и сумасшествия и приближается к абсурду, оставаясь логичной. Собственно эта двоякость, точность формы и сумасшествие мысли сближает творчество По с идеей Петербурга.

Для повествователя произведений Постнова Петербург такой же красивый и манящий, как и дружелюбный, враждебный, несущий смерть. Эта двойственная природа города, отмеченная ранее Пушкиным и Гоголем, касается и реального пространства, в котором богатые дворцы и дома на главных улицах отчетливо контрастируют с застройкой флигелей. Писатель отчетливо разграничивает эти пространства, вводя их в совершенно иные атмосферные условия: *«Я гулял с приятелем на Невском. [...] Вечерело. Рабочий день шел к концу. Блеснули витрины, зажглись нити ламп. [...] Мы свернули сперва на Литейный, затем перешли трамвайные рельсы, пропустив черный от давки трамвай, и углубились во дворы. Тут все было отдано дождю и ветру. Я раскрыл зонт - и вдруг замер, пораженный тусклой прелестью колорита. Вокруг колодцем стояли дома. И кроме света в окнах, уже включенного по случаю сумерек, ничто не указывало на принадлежность их нашему веку. Даже дрова у стен лежали поленицей, как встарь. Где-то жгли печь, дым шел вниз. Как всякий новичок в Петербурге, я вспомнил Достоевского и Гоголя, их безумие» [3, 76].*

Собственно на таких контрастах была построена мифология Петербурга Федора Достоевского, которая оказала решающее влияние на творчество других писателей, обращающихся к теме города. Также как и Достоевский, ни один из авторов XIX в. не остался равнодушным в отношении этих противоречий – богатства имущих и бедноты маленьких людей, которые живут в Петербурге. Постнов, подобно Достоевскому, обращает внимание на особую застройку города, которая экспонирует шикарные особняки и одновременно скрывает жилища бедных: *«Окно выходило в узкий и длинный колодец, образованный стенами неплотно стоявших домов, [...] фасады которых, однако, сходились. Дно этой щели было вымощено тесаным булыжником наподобие старых мостовых, и солнечный свет падал сюда разве лишь в полдень. [...] Затхлый дух шел оттуда, как из клоаки, да к тому же и мостовая образовывала желоб, должно быть, для стока воды. Необитаемое место в*

самом сердце большого города не могло не занять меня. Я уже с минуту смотрел вниз, когда вдруг понял, что это место не так уж необитаемо. Что-то двигалось внизу, вдоль желоба, и вначале я решил, что это кошка. Но чувство, в отличие от глаз, обманывает редко. Невольная гадливость подступила вдруг мне к горлу, и тотчас я рассмотрел длинный голый хвост, цепкие лапки, острую мордочку с усами... Гигантская крыса как ни в чем не бывало трусила по мостовой, миг - и она скрылась в какую-то щель в Пассаже. Странная мысль пришла мне на ум...» [3, 82].

Образ крысы, животного, проживающего в темных, влажных местах, соотносится в рассказе с бедным населением Петербурга. Такая ассоциация также имеет свои корни в творчестве Достоевского: в «Бедных людях» Макар Девушкин пишет о себе самом: «"Эта, дескать, крыса чиновник переписывает!" Да что же тут бесчестного такого? Письмо такое четкое, хорошее, приятно смотреть, и его превосходительство довольны; я для них самые важные бумаги переписываю. Ну, слогу нет, ведь я это сам знаю, что нет его, проклятого; вот потому-то я и службой не взял, и даже вот к вам теперь, родная моя, пишу спроста, без затей и так, как мне мысль на сердце ложится... Я это все знаю; да, однако же, если бы все сочинять стали, так кто же бы стал переписывать? Я вот какой вопрос делаю и вас прошу отвечать на него, маточка. Ну, так я и сознаю теперь, что я нужен, что я необходим и что нечего вздором человека с толку сбивать. Ну, пожалуй, пусть крыса, коли сходство нашли! Да крыса-то эта нужна, да крыса-то пользу приносит, да за крысу-то эту держатся, да крысе-то этой награждение выходит, вот она крыса какая! Впрочем, довольно об этой матери, родная моя; я ведь и не о том хотел говорить, да так, погорячился немного. Все-таки приятно от времени до времени себе справедливость воздать» [2, 125]. Коллекцию крыс главный герой произведения Постнова видит также у профессора Крона, который для этого своеобразного музея выделил в собственной квартире большую комнату. Множество и разнообразие крысиных видов и пород удивляет героя, но все-таки он не находит в коллекции экземпляра, похожего на встреченное в городе животное. Эту сцену можно толковать как массовое видение мелких чиновников, бедных жителей города, которые на самом деле - индивидуальные, неповторимые личности. Северная столица России держалась именно на таких «канцелярских крысах», скрывая их за фасадом богатых дворцов.

Это был не единственный контраст Петербурга, появляющийся в литературных текстах – авторы писали также о европейском окружении и русской скученности, идеальном замысле, проекте города и его будничности, повседневности в нем, грузе камня и нестабильности вязкой почвы под ним.

Чаще всего называемыми атрибутами Северной Пальмиры являются неблагоприятные условия, связанные с расположением города – болотистый, влажный климат, холод, порывистый морской ветер – все это делает город неудобным для гостей. Постнов также обращает внимание на это свойство города: «Я приехал ночью и ожидал с утра увидеть туман, серое небо, хмурые улицы и едва различимые контуры зданий вокруг тусклых сырых площадей.

Каждый знает, что Петербург таков во все времена года. Лишь снег зимой слегка убеляет мглу» [4]. По мнению писателя, такой климат формирует «природу» и саму «натуру» коренных жителей: «петербуржцев - сколько угодно. Слегка землистый цвет их лиц в сочетании с темной одеждой не оставлял сомнений» [4]. Мрачный, серый, туманный образ города вписывается в затертый тремя веками литературный миф Петербурга. Петербург, который должен был быть наиболее европейским городом России, стал воплощением русского национального характера, «русской души» - так же как и северная столица - аллогичной и антиномичной.

Для Олега Постнова Петербург остается магическим местом, которое выходит за рамки рациональной трактовки, полным противоречий и остановившемся во времени: *«В Петербурге есть кунсткамера. Но и сам Петербург - огромная кунсткамера. Гигантский музей, полный тайных закутков, хранилищ, запасов. Вероятно, в нем есть и время. Вероятно также, что это не обычное время, не то, которое можно измерить с помощью часов. Но сам город удивительно точен - не смотря ни на что. И щепетильно вежлив - на свой, волшебный лад. Он всегда верен себе - этот гордый, отставной Петербург.» [4]*

Литература

1. Гоголь Н. В. Невский проспект // Гоголь Н.В. Сочинения, М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. - 603 с.

2. Достоевский Ф. М. Бедные люди // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. - 684 с.

3. Постнов О. Ночные повести Валерьяна Сомова // Нева, 1997, № 10. - 240 с.

4. Постнов О. Петербург РМ
<<http://www.netslova.ru/postnov/petersburg.html>>

5. Постнов О. Судьба Петербурга
<http://www.oai.ru/postnov_petersburg.htm>

6. Пушкин А. С. На картинке к «Евгению Онегину» в «Невском Альманахе» // Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах. Т. 3. М.: АН СССР, 1963. - 560 с.

7. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы // Топоров В.Н. Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. - 616 с.

8. Устрялов Н. В. Судьба Петербурга // Москва – Петербург: pro et contra. / Отв. ред. Д. К. Бурлака. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2000. - 711 с.

9. Фатеев С. Руссоизм в русской литературе XIX века: проблема «человек и город» // Wielkie miasto. Czynniki integrujące i dezintegrujące. Т. 1, pod red. D. Bieńkowskiej, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1995. - 258 с.

10. Sałajczykowa J. Miasto we współczesnej prozie rosyjskiej // Wielkie miasto. Czynniki integrujące i dezintegrujące. T. 1, pod red. D. Bieńkowskiej, Łódź: Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1995. - 258 с.

Аннотация

В статье представлен образ Петербурга в произведениях современного русского писателя Олега Постнова «Судьба Петербурга», «Ночные повести Валерьяна Сомова» и «Петербург РМ». Северная столица России изображена в них как фантазмагорическое воплощение идеи Петра I, город, который уже с самого начала своего существования противопоставляется не только Москве, но и всей России. Писатель утверждает, что историческое развитие города остановилось в XIX веке и соответственно способ представления его относится к этому столетию. Постнов, используя постмодернистские стратегии, обыгрывает сюжеты, мотивы, персонажей произведений Пушкина, Гоголя, Достоевского и др. Писатель подчеркивает таинственный, мистический характер Петербурга. Неоднородность, дуализм, амбивалентность в восприятии города, по его мнению, отражают природу «русской души».

Ключевые слова:

Современная проза, Олег Постнов, Петербург, петербургский текст, городской текст

Summary

In the article is presented the picture of Petersburg in the compositions "Petersburg's Lot", "Valerian Somov Night's Stories" and "Petersburg PM" of modern russian writer Oleg Postonov. The North capital is appeared as a kind of realisation of the Peter's phantasmagoric vision. According to the writer Petersburg is a city-monument, city-museum. He describes Petersburg as the city which is still the same as it was in the begining of the XIX century. For this reason he references to the literary presentations of Petersburg of the XIX century and to the romantic mode of expresion. Describing the special character of the city, Postonov quotes the works of Pushkin, Gogol and Dostoevsky. The writer emphasizes duality and mystic, mysterious nature of Petersburg. The such picture of the city is a reflection of the "Russian soul" which may be accounted as ambivalent as indefinite.

Keywords:

Modern prose, Oleg Postnov, Petersburg, Petersburg Text